

ТАЙНЫ КОСМОНАВТИКИ

ВОДА – ПРОВОДНИК
КОСМИЧЕСКИХ СИЛ

ОТКУДА ЛЮДИ
ПРИШЛИ
НА ЗЕМЛЮ?

КОСМИЧЕСКАЯ ГОНКА:
ПОЧЕМУ ПРОЗВУЧАЛ
СТОП-СИГНАЛ?

ВОЕННАЯ
ТАЙНА

ИГОРЬ ПРОКОПЕНКО

Военная тайна с Игорем Прокопенко

Игорь Прокопенко
Тайны космонавтики

«ЭКСМО»

2018

УДК 629.7
ББК 39.6

Прокопенко И. С.

Тайны космонавтики / И. С. Прокопенко — «Эксмо»,
2018 — (Военная тайна с Игорем Прокопенко)

ISBN 978-5-04-089098-9

Книга известного телеведущего Игоря Прокопенко представляет собой увлекательный рассказ о космических исследованиях – начиная с ранних разработок и заканчивая новейшими опытными образцами. История эта полна секретов – как сугубо «служебных», – многие факты впервые станут достоянием гласности именно в этой книге, так и необъяснимых с научной точки зрения: многочисленные свидетельства о неопознанных летающих объектах и контактах с инопланетными цивилизациями. Как фашистский ученый фон Браун стал отцом американской космонавтики? Какие животные, кроме Белки и Стрелки, были космическими первопроходцами? Зачем был нужен двойник Гагарина? Что заставило Леонова выйти в открытый космос вопреки инструкции? Какую форму жизни разглядели ученые на планете Глизе с помощью супертелескопа? Кто обитает в недрах Луны? Земля, на которой мы с вами живем, по которой каждый день ходим и которую каждый день видим, – это тоже часть Космоса, но мы все время об этом забываем. Книга Игоря Прокопенко напоминает нам об этом! Обилие загадочных фактов и шокирующих гипотез снова предложит нам задуматься: а кто мы, собственно, такие и где мы все на самом деле находимся?

УДК 629.7

ББК 39.6

ISBN 978-5-04-089098-9

© Прокопенко И. С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава первая. Космическая предыстория	8
Глава вторая. Полет Гагарина	26
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Прокопенко

Тайны космонавтики

© Прокопенко И. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие

В странной ситуации оказалось сегодня человечество. С одной стороны – ни один ученый не берет на себя ответственность заявить, что мы одиноки во Вселенной, а окружающий нас Космос – не более чем пустынное пастбище древних обезьян. С другой – нет ни одного вещественного доказательства того, что, кроме нас, во Вселенной есть еще кто-то живой. И вот совсем недавно в научном мире произошло сенсационное открытие, которое должно положить конец нашим сомнениям. Жизнь на других планетах есть! Более того, даже мы, хозяева Земли, на самом деле – гости с другой планеты. И это говорю не я, а ученые с мировыми именами.

Много лет наука утверждала – инопланетян не существует. Человек является венцом Вселенной, и любой ученый, рискнувший порассуждать на эту тему, автоматически попадал в разряд тех, у которых «не все дома». Но вот на орбиту были запущены первые орбитальные телескопы, и выяснилось невероятное.

Оказывается, нас окружают сотни, тысячи планет, на которых возможна жизнь... И если это утверждение уже научный факт, то – страшно представить – выходит, что инопланетяне действительно могут существовать. Надо сказать, что за инопланетянами человечество гоняется давно. Ищут ученые, ищут военные. И порой такие поиски приносят поистине сенсационные результаты.

Какова вероятность, что на недавно открытых экзопланетах так же, как и на Земле, существует жизнь? Что думает об этом официальная наука? Каковы альтернативные версии и гипотезы? Об этом книга, которую вы держите в руках. Это плод упорного труда творческих коллективов программ «Военная тайна», «Территория заблуждений» и «Самые шокирующие гипотезы». Надеюсь, вам будет интересно.

Игорь Прокопенко

Глава первая. Космическая предыстория

Основоположником космонавтики по праву считается наш соотечественник, великий ученый Константин Циолковский. Почти всю свою жизнь, которая прошла в провинциальных городках Боровске и Калуге, он слыл для окружающих чудачком. Циолковский и другие ученые всего мира начали мечтать о звездах, но не могли найти на это предприятие денег. Понятно, что лишь большие, сильные и богатые государства за счет своей казны могут себе позволить космические проекты. Но вот незадача: как правило, тратить деньги на проекты, не связанные с экономическим ростом или оружием, ни одно правительство не желает. Но один способ был – нужно было поработать на то, что любое государство охраняет как священную корову. А именно – на армию, на будущую войну...

Циолковский медленно угасал от рака желудка в Калуге, когда совсем молодой студент Берлинского университета Вернер фон Браун работал над диссертацией по ракетостроению и принимал активное участие в деятельности Общества космических путешествий (Verein für Raum-schiffahrt). Его непосредственным учителем и объектом вдохновения был Герман Оберт, опубликовавший в 1923 году теоретический труд «Ракета для межпланетного пространства». Теория Оберта со всей силой немецкой логики доказывала, что космические путешествия технически достижимы. Это были не мечтания Жюль Верна и Герберта Уэллса, а понимание законов аэродинамики. Из этого следовал вывод о том, что ракета на жидком топливе является оптимальным средством для будущей космонавтики. На основе работы Оберта молодые немецкие ученые-энтузиасты на рубеже 20–30-х годов осуществили смелые эксперименты с автомобилями, санями и железнодорожными платформами с установленными на них ракетными двигателями. А в самом начале 30-х годов Общество космических путешествий в окрестностях Берлина построило испытательный полигон для серии ракетных экспериментов – в них наряду с Рудольфом Небелем и Клаусом Риделем принял участие и молодой фон Браун. Испытания продолжились чуть позднее в бывшем складском комплексе в берлинском пригороде Рейникендорф.

Бетонные казармы, бункеры и укрытия, окруженные земляным валом в 12 метров высотой и 18 метров толщиной, были идеальным местом для испытаний. И вскоре ученые смогли гордиться, что могут запустить стреловидную ракету на высоту до 450 метров – серьезное для той поры достижение. Эти успехи вскоре привлекли внимание германской армии, которая рассматривала ракету как новую военную перспективу. Пораженная «веймарским комплексом», проигравшая в Первой мировой войне Германия цеплялась за любые возможности, сулившие ей перевооружение армии на новой технологической основе. Глава военной службы боеприпасов и баллистики полковник Карл Беккер, привлеченный успехами фон Брауна и его соратников, привлек их к разработке военных ракет. Куратором проекта стал капитан артиллерии Вальтер Дорнбергер. Теперь энтузиасты космических полетов находились под армейской крышей, подчиняя свои прежние представления о космических путешествиях практическим требованиям создать оружие. Прежняя цель оставалась личной мечтой.

Армейские испытания ракеты дальнего действия проводились с 1932 года в Кумменсдорфе, это в 100 км от Берлина. Такой летающий реактивный снаряд, оснащенный боеголовкой весом в 1 тонну, был бы способен поражать цель на расстоянии от 160 до 320 км. После серии неудачных испытаний в декабре 1932 года две ракеты «А-2», названные «Макс» и «Мориц» (по имени двух героев мультипликационных фильмов), совершили полет на высоте около 2000 м с острова, расположенного в Северном море. После прихода к власти Адольфа Гитлера в 1933 году ракетная программа получила щедрую финансовую поддержку при жестком правительственном контроле и в обстановке строжайшей военной секретности.

Один из основоположников современной ракетной техники Герман Оберт

А в 1937 году, спустя два года после смерти Циолковского, в нацистской Германии, руководители которой мнили себя будущими хозяевами мира, стартовала крупномасштабная ракетная программа. Для этого на балтийском побережье в Пенемюнде создаются конструкторское бюро и ракетный полигон под руководством теперь уже генерала Вальтера Дорнбергера. Ведущим специалистом в Пенемюнде стал дослужившийся до штурмбаннфюрера СС Вернер фон Браун.

Уже после войны Дорнбергер, будучи научным консультантом фирмы Bell Aircraft Corporation, оправдываясь за сотрудничество с нацистами, пафосно скажет: «Ни одно частное лицо или государственное учреждение не могло позволить себе трату миллионов марок на создание больших ракет, если это ограничивалось бы исключительно интересами чистой науки. Перед человечеством, согласным на любые затраты, была поставлена задача решить великую цель и сделать в этом отношении первый практический шаг. И мы открыли дверь в будущее...»

И снова на первом этапе немцев поджидали неудачи – ракета «А-3» длиной 6,7 м, снабженная кислородно-спиртовым двигателем с расчетной тягой 1450 кг, в декабре 1937 года не взлетела ни разу. Три попытки запуска закончились провалом – ракеты либо неожиданно взрывались, либо сваливались во вращение и разрушались. Дорнбергер понимал, что если так пойдет дальше, то Берлин просто закроет финансирование программы. Но в 1938 году модифицированная ракета «А-5» была успешно запущена, достигнув высоты 1 км. Программа была продолжена, и к началу Второй мировой войны команда фон Брауна приступила к работе

над ракетой «А-4», которая позднее была названа «ФАУ-2» и стала прообразом космических ракет. Но в начале 40-х главной задачей «Фау-2» было поражение удаленных вражеских целей.

3 октября 1942 года «ФАУ-2» была успешно запущена, при этом высота полета достигла 80 км. В июле 1943 года Дорнбергер и фон Браун доложили Адольфу Гитлеру о новой ракете, показав фильм об эффектном октябрьском запуске. Однако ракета оставалась по-прежнему очень сложным механизмом, дорогим в производстве и непростым в управлении. Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер с энтузиазмом отнесся к «ФАУ-2», но все же сомневался в ее полезности в условиях войны. Решающее слово оставалось за фюрером, и в конце концов Гитлер приказал начать производство ракеты.

Правда, 17 августа 1943 года англичане нанесли немецкому ракетному проекту серьезный удар, разбомбив Пенемюнде почти напрочь. 597 тяжелых бомбардировщиков Avro Lancaster и Handley Page Halifax сбросили на полигон тысячи фугасных и зажигательных бомб. Немцам удалось сбить только 47 самолетов. В результате налета британской авиации погибли 735 человек, и среди них был главный конструктор ракетных двигателей доктор Вальтер Тиль. Заместитель командующего люфтваффе генерал-полковник Ешоннек, отвечавший за систему ПВО этого района, покончил с собой. Кроме того, пострадали рабочие концлагеря, в том числе поляки, которые ранее переправили в Лондон точные планы Пенемюнде. Всего погибло 213 заключенных: 91 поляк, 23 украинца, 17 французов и 82 узника неустановленной национальности. Это привело к тому, что серийный выпуск «ФАУ-2» был задержан примерно на полгода.

В первой половине 1944 года был произведен ряд вертикальных пусков ракет с несколько увеличенным (до 67 секунд) временем горения топлива при высоте подъема 188 км. Последняя ракета «ФАУ-2» с заводским номером 4299 взлетела с полигона Пенемюнде 14 февраля 1945 года.

Генерал Фельгибель (слева) пожимает руку генералу Вальтеру Дорнбергеру (в центре)

Тем временем конец войны неотвратимо приближался. Полигон Пенемюнде лежал прямо на пути наступления Советской армии с востока, беженцы из Восточной Пруссии заполнили все дороги. Разгром нацистской Германии был для всех очевиден, вопрос заключался только во времени. Перед лицом неизбежного конца фон Браун созвал специальное совещание своих самых доверенных сотрудников для обсуждения эвакуации. Фон Браун в качестве основной задачи поставил сохранение самой важной части результатов своих работ – он был воодушевлен тем, что после войны станет возможным воплощение первоначальной задачи его жизни, а именно космических исследований. Трезво рассмотрев ситуацию, фон Браун решил сдать себя американцам, так как, по его мнению, только они могли сохранить все сделанное им и даже продвинуть дело его жизни.

Покидая Пенемюнде, сотрудники полигона постарались взорвать как можно больше ракетных установок, чтобы русским не досталось ничего. Сам же фон Браун в сопровождении бывшего шефа Дорнбергера подался на юг Германии, предусмотрительно подделав документы и тем самым обеспечив себе безопасность, проходя через колонны беженцев и многочисленные контрольно-пропускные пункты, установленные повсюду для отлавливания дезертиров. Они успешно добрались до Тюрингии, где в заброшенной шахте спрятали 14 тонн захваченной с собой документации. Это были бесценные материалы, собранные за более чем десятилетний период исследований и экспериментов. 4 апреля 1945 года фон Браун и его соратники добрались до удаленной лыжной базы в Баварии. Именно здесь фон Браун, Дорнбергер и многие их подчиненные, участвовавшие в ракетной программе Германии, сдались в конце концов американской армии. Расчет фон Брауна на американцев оказался верным – ЦРУ, узнав кто к ним

попал в руки, живо им заинтересовалось. В идеале ЦРУ хотело вывезти в США всех, кто имел отношение к ракетному проекту, но полностью это осуществить у американцев не получилось – не дремали и советские спецслужбы.

* * *

Можно сказать, что с запуска трофейных, а позже модифицированных ракет «ФАУ-2» начались как американская, так и советская космические программы. Американцам повезло больше. Именно им достались «ФАУ-2» из подземного завода в Тюрингии. Но для США этого было мало. Сразу же после войны началась борьба за новые технологии с СССР, и уступить в этом смысле американцы считали невыносимым. Борьба за немецкие умы началась сразу же после капитуляции гитлеровской Германии, на оккупированной территории. Между США и СССР развернулась настоящая битва, и главными действующими ее лицами были разведчики.

Завод «Миттельверк», где заключенные концлагеря «Дора» изготавливали «ФАУ-2» для полигона в Пенемюнде, находился в горах Тюрингии. Завод располагался в тоннелях, полученных за счет взрывов твердых горных пород. Они тянулись на километры. Заключенные концлагеря работали в тяжелых условиях: от непосильного труда, голода и болезней там погибли за годы войны более 30 тысяч человек. Из них 5 тысяч человек были расстреляны перед наступлением американской армии.

Часть Тюрингии, где находился завод, была первоначально занята американцами, они же первыми из иностранцев и вошли в тоннели «Миттельверка». Там они обнаружили готовые к эксплуатации части ракет. Руководителем «Специальной миссии «ФАУ-2» был полковник Тофтой, который с самого начала поставил задачу максимально сохранить все компоненты, необходимые для сборки ракет, а потом подготовить их к транспортировке на кораблях в США. Серьезной проблемой стало то обстоятельство, что по Ялтинским соглашениям 1945 года вся Тюрингия должна была с 1 июня перейти под советский контроль. Американцы очень спешили, и заместитель Тофтоя майор Бромли нанял бывших пленных для эвакуации частей «ФАУ-2» из тоннелей. На нескольких грузовиках груз был доставлен в бельгийский Антверпен, где перегружен в деревянные ящики и погружен на корабли. Другой офицер из команды Тофтоя, майор Ставер, занялся поиском зарытой фон Брауном документации. Здесь тоже не обошлось без сложностей, но документы удалось обнаружить за пять дней до передачи территории советским войскам. Разумеется, они тут же были перевезены в американскую зону.

Ракеты «ФАУ-2» на секретном подземном заводе «Миттельверк»

В Советском Союзе были осведомлены о существовании ракет «ФАУ-2», но к моменту завершения войны располагали лишь неполной картиной передовой ракетной технологии. Советские спецслужбы, так же как и американцы, отправили в Германию своих специалистов, цель которых заключалась в охоте за технологическими трофеями нацистской Германии. В составе группы, возглавлявшейся генералом Николаем Петровым, был специалист по ракетным системам управления, наведения и связи Борис Черток из НИИ-1 Наркомата авиационной промышленности. Он прилетел в разрушенную войной Германию в конце апреля 1945 года.

В своих мемуарах Черток утверждает: «Советское руководство интересовалось прежде всего немецкими достижениями в области авиационных и ракетных двигателей. Что же касается самого ракетостроения, оно выглядело для военных инстанций скорее делом будущего, чем-то пока оторванным от практики». Впервые о «ФАУ-2» Черток узнал в 1944 году, когда Красная армия вошла в Польшу и были обнаружены остатки новой ракеты с покинутой испытательной базы. Именно тогда он начал убеждать свое руководство о важности сбора информации по этой теме, будучи пораженным тем, что немцы сумели создать мощный ракетный двигатель на жидком топливе, который мог превысить скорость звука и действовать как снаряд для бомбардировки целей союзников.

В Пенемюнде советским специалистам предстал только скелет полигона – немцы уничтожили все оборудование. Но оставались нетронутыми бункеры, дороги и тщательно разработанная сеть силовых и сигнальных кабелей. На упоминавшийся выше завод «Миттельверк» Черток попал в середине июня 1945 года и увидел, что американцы успешно вывезли самые ценные частично собранные «ФАУ-2» и огромное количество компонентов ракеты. Он посетил концлагерь Дора, в котором жили работавшие на конвейерных линиях «Миттельверке» пленные. Один бывший заключенный лагеря вызвал у Чертока восторг, предложив ему гироскоп с ракеты «ФАУ-2», который он спрятал и хранил много месяцев. Местный немецкий инженер сообщил Чертоку, что сборочные линии действовали до последних дней войны и производили 35 снарядов в день. Он сказал также, что американцы вывезли основную часть ракет, но полагал, что русские смогут раскопать кое-что среди оставшихся обломков и мусора и восстановить около 20 ракет. Черток вместе со своей командой поселился на принадлежавшей

фон Брауну вилле Франк неподалеку от Бляйхроде. Его поразило богатство этого дома: большие комнаты, мраморная лестница и картины в золоченых рамах.

В работе над реконструкцией системы управления полетом «ФАУ-2» главной проблемой для советских спецслужб было отсутствие специалистов. Главные действующие лица немецкой ракетной программы в Пенемюнде (Дорнбергер и фон Браун) сдались американцам вместе с тоннами ценной документации. Советской стороне из высокопоставленных сотрудников команды фон Брауна достался лишь Гельмут Греттруп, руководивший лабораторией систем управления и телеметрии. Он не захотел присоединиться к бывшему шефу и сдаваться американцам, предпочтя в сентябре 1945 года перейти в организованный советскими спецслужбами институт РАБЕ в Бляйхроде. Он сделал этот выбор, в немалой степени руководствуясь материальными стимулами и перспективой остаться в Германии – именно это обещали ему советские спецслужбы. Кроме того, в этом институте стали работать специалист по аэродинамике Вернер Альбринг, инженер-конструктор Йозеф Бласс, специалист по управлению и наведению Йоханнес Хох, специалист по гироскопам Курт Магнус, химик по жидкому топливу Франц Матес.

Институт РАБЕ работал в атмосфере секретности – немецкие инженеры и ученые продолжали жить в своих квартирах, но ходили на работу под неусыпным присмотром НКВД. Однако близость зоны оккупации союзников создавала большие проблемы. Американцы не оставляли надежд переманить специалистов из советской оккупационной зоны. По свидетельству будущего председателя КГБ Ивана Серова, который в 1946 году был членом Специального комитета по реактивной технике при Совете министров СССР, одного из руководителей РАБЕ специалиста по фамилии Коерман пытались завербовать американцы, подсев в кафе. Однако Коерман не захотел работать с бывшими ээсовцами под заокеанским патронатом и сообщил о попытке вербовки в НКВД.

Постоянный прессинг со стороны американской разведки вынудил советское руководство принять в октябре 1946 года решение о вывозе немецких ученых, их семей и оборудования секретных лабораторий в СССР. По разным оценкам, принудительной эвакуации в СССР подверглись от 2 до 6 тысяч человек – специалистов в области авиации, ядерной энергетики, ракетостроения, электроники, радиолокации и членов их семей. Ингрид Греттруп, жена главного немецкого специалиста, доставшегося Советскому Союзу, отмечала в своих мемуарах, что была удручена тем, что ей пришлось жить в СССР. Вот что она пишет: «Их улыбки были, как всегда, дружескими. В самом деле, они даже кое-что пообещали: квартиру, намного большую и лучше обставленную, чем наша, жизнь без каких-либо ограничений, жизнь в прекрасном городе среди великих людей. Единственное, чего они не обещали, это что мы увидим свою родину снова...»

* * *

Захваченные американцами на заводе «Миттельверк» ракеты «ФАУ-2» в количестве около 100 штук были собраны на испытательном полигоне американской армии Уайт-Сэндс в штате Нью-Мексико. Туда же американцы привезли и многих немецких ракетных специалистов. Эта программа подверглась значительной критике в военном ведомстве, поскольку касалась личностей, связанных с нацистским режимом. Набор и обустройство немецких специалистов происходил вне заведенного порядка работы Государственного департамента, предусматривавшего собеседование или рассмотрение дела. К тому же в августе 1945 года президент Трумэн утвердил проект «Скрепка», кодовое название которого произошло из обыкновения скреплять таким образом иммиграционные документы вновь прибывающих ведущих ученых из Германии. Двойной задачей «Скрепки» было набрать лучших немецких специалистов по ракетостроению и одновременно не допустить появления такой же технической информации в СССР. Проект предполагал, что никто с темным политическим прошлым не будет

допущен в Соединенные Штаты. Однако на деле это не всегда последовательно соблюдалось – немецкие ракетные специалисты были столь важны для национальной безопасности США, что на их сотрудничество с нацистским режимом просто закрывали глаза.

Конструктор ракетно-космической техники, создатель первых баллистических ракет Вернер фон Браун

Первая группа немцев прибыла в Соединенные Штаты в ноябре 1945 года. Личные дела многих немцев, предложенных для работы в «Скрепке», действительно обнаруживали самые разнообразные связи с нацистским правительством. И самая главная фигура – бывший штурмбаннфюрер СС Вернер фон Браун (1912–1977), переехавший в США вместе со своей женой Марией и их маленькой дочкой Айрис Карин.

Со временем он станет подлинным отцом американской космической программы. Но пока что потомку прусского дворянина предстояло коротать дни на секретной базе Уайт-Сэндс в пустыне Нью-Мексико. Он быстро захватил лидерство в сообществе немецких ученых-эмигрантов. По свидетельству современников, даже внешне он вызывал симпатию и доверие – высокий (1,82 метра), с густыми светлыми волосами, с квадратной челюстью, атлетичный, умеющий поддерживать разговор. Обаяние фон Брауна поддерживалось также его интеллектом и разнообразными культурными интересами – он свободно владел несколькими языками, играл на рояле и скрипке, хорошо разбирался в философии, религии, географии и политике. По натуре это был прямой и откровенный человек, но в опасном мире нацистской Германии сумел приобрести такие качества, как хитрость, безжалостность и способность к коварному политическому маневрированию.

Жизнь в Уайт-Сэндс не была легкой для фон Брауна и его коллег. Все же их статус был определен положением проигравших в войне. На первом этапе люди, работавшие в Уайт-Сэндс, не имели паспортов или других документов, которые позволили бы им свободно перемещаться за пределами базы. Да и само необитаемое пустынное место с окружающими горами надежно отделяло базу от внешнего мира. Время от времени немцам разрешалось посещать лишь город Эль-Пасо в Техасе. Быт ученых был аскетичным – они жили в казармах с самыми примитивными удобствами.

С другой стороны, в Уайт-Сэндс команда фон Брауна достигла значительных профессиональных успехов. Они запустили почти 70 ракет «ФАУ-2», намного опережая параллельную советскую программу в Капустином Яре, о которой речь пойдет ниже. Кроме того, были сделаны попытки усовершенствовать основную конструкцию «ФАУ-2» и провести эксперименты с двухступенчатой ракетой. 24 февраля 1949 года одна из ракет была модифицирована для присоединения второй ступени, названной «прокладкой WAC» (Women's Army Corps, женская вспомогательная служба сухопутных войск), и в ходе эксперимента поднялась на высоту 400 км.

В 1950 году американцы разрешили фон Брауну и его команде, состоявшей из 115 ракетных специалистов, перебраться из сурового пустынного Уайт-Сэндс в более благоприятную для проживания Алабаму. К ним присоединились другие работники полигона Уайт-Сэндс, включая несколько сотен служащих по контракту из компании «Дженерал Электрик» и группу новобранцев американской армии с высоким уровнем технической подготовки. Новым домом для бывшего штурмбаннфюрера стал тихий сельский городок Хантсвилл с населением 16 тысяч человек, расположенный у подножия Аппалачей. Бывшая «мировая столица горчицы», как Хантсвилл именовали местные жители, вскоре станет известна как «ракетный город»...

Несколько лет экспериментов с захваченными немецкими ракетами «ФАУ-2» исчерпали себя, и настало время идти дальше. На военном полигоне в Хантсвилле располагались два бывших арсенала, один из которых во время войны использовался для производства ядовитых газов и другого химического оружия для артиллерийских снарядов. К 1950 году эти два отдельных арсенала были объединены в один полигон и выбраны для вновь созданного ракетного центра технической службы сухопутных войск.

50-е годы фон Браун провел в Хантсвилле, работая над новой ракетой «Редстоун», и постепенно стал весьма значительной фигурой с решающим голосом в американской космической программе. Тесно сплоченная команда фон Брауна разработала строгий и тщательный регламент обратного отсчета и протоколы запуска, которые учитывали колоссальную опасность, таящуюся в ракетах. Несмотря на десятки аварий, ни один член персонала не пострадал и не погиб при взрывах ракет.

Следует заметить, что, в отличие от большинства советских конструкторов, которые были до поры до времени никому не известны на Родине, работая в закрытых институтах и академгородках, Вернер фон Браун стал настоящей звездой в США. В 1955 году он появился на экране в научно-популярном фильме знаменитого мультипликатора Уолта Диснея и презентовал свой космический проект. Передача сопровождалась мультипликационными зарисовками, показом космических скафандров и макетов летательных аппаратов. Это свидетельствовало о том, что фон Брауну в Америке к тому времени был выдан практически безграничный кредит доверия. Фон Браун заявил на всю страну, что полеты человека в космос – не фантастика, а реальность. Более того, он заявил, что именно та страна, которая первой покорит космическое пространство, сможет покорить и весь мир.

* * *

Однако освоить космос фон Брауну первому не удалось. Его удачливым заочным оппонентом стал советский конструктор Сергей Петрович Королев (1906–1966). Примерно в те же исторические сроки, а именно в начале 30-х годов, он вместе со специалистом в области ракетных двигателей Фридрихом Цандером создал в Москве с помощью Осоавиахима Группы изучения реактивного движения (ГИРД), которая, подобно группе Дорнбергера и фон Брауна, стала научно-конструкторской лабораторией по разработке ракетных летательных аппаратов. В течение 30-х годов при активном участии Королева были осуществлены успешные запуски

крылатых ракет, а к 1938 году разработаны проекты жидкостных крылатой и баллистической ракет дальнего действия.

Деятельность Королева была, однако, прервана в связи с арестом по обвинению во вредительстве. По некоторым данным, во время допросов в НКВД ему сломали обе челюсти. Вместо работ в области ракетостроения Королев в течение двух лет мыл золото на колымских приисках. Тем не менее рациональные соображения в какой-то момент у ответственных советских работников возобладали, и по особому распоряжению в марте 1940 года Королева этапировали в Москву и поместили в спецтюрьму НКВД, где он под руководством также в тот момент заключенного Андрея Туполева принял участие в создании бомбардировщиков «Пе-2» и «Ту-2». Появилась возможность заняться и интересовавшими самого Королева проектами управляемой аэроторпеды и нового варианта ракетного перехватчика.

В 1942 году Королев был переведен в ОКБ-16 при Казанском авиазаводе 16, где велись работы над ракетными двигателями новых типов. Через год он дорос до должности главного конструктора группы реактивных установок. В сентябре 1945 года Королев появился уже в оккупированной Германии по заданию наркомата вооружений для изучения немецкого ракетостроения. Ему было присвоено воинское звание подполковника Советской армии.

В 1946 году Сергей Королев получил новую работу как генеральный конструктор ракет дальнего действия в НИИ-88, исследовательском институте в Москве, который отвечал за производство советских ракет-носителей на основе технологий «ФАУ-2». Самым ценным советским приобретением среди немецких специалистов-ракетчиков оказался инженер Гельмут Греттруп. В СССР он жил вместе с семьей рядом с секретной лабораторией на озере Селигер. Остальных немецких специалистов распределили в зависимости от специальности по другим КБ и институтам.

Если американцам достались практически готовые «ФАУ-2», то в Советском Союзе их пришлось собирать практически с нуля. К лету 1947 года Королеву при поддержке Греттрупа и других пленных немецких специалистов удалось собрать едва с десятков ракет. Тем не менее этого было достаточно для того, чтобы активизировать испытания на полигоне Капустин Яр, расположенном в 90 км южнее Сталинграда (ныне Волгоград). Полигон находился в полупустыне, в удаленном от поселений месте, но был соединен железной дорогой со Сталинградом. Условия в Капустином Яре были суровыми, стационарные сооружения отсутствовали. Персонал полигона был вынужден жить в палатках или в вагончиках. Континентальный климат диктовал свои условия: зимой – лютый мороз, летом – невыносимая жара, а для неосмотрительных опасным дополнением служили ядовитые змеи и тарантулы.

Первый запуск «ФАУ-2» на советской земле состоялся 18 октября 1947 года, но это можно было считать лишь частичным успехом, так как ракета разрушилась при возвращении в атмосферу. Из 11 запущенных ракет 5 запусков были признаны успешными. Остальные отклонились от своих целей, взорвались либо обнаружили различные технические неполадки. Тем не менее испытания «ФАУ-2» в Капустином Яре стали важной вехой советской космической программы. На основе «ФАУ-2» было решено создать ракету «Р-1».

Над ракетой, на которой Гагарин полетел в космос, работали в Воронежском институте КБХА, осваивали немецкие технологии и создавали новые, собственные. Научной группе довелось работать над созданием двигателя РД 0109, который предназначался для запуска в космос человека. В то время было известно точно лишь то, что новый двигатель будет работать на топливе «жидкий кислород и керосин», поскольку только эти два компонента, смешиваясь в камере, сгорали при температуре 3500 градусов по Цельсию и создавали тягу, достаточную для необходимого разгона. На разработку РД 0109 ушел всего год.

Мысль о полете человека в космос, очевидно, сидела в голове Королева давно, но когда в январе 1959 года советский аппарат впервые совершил полет вокруг Луны и техника, установленная на нем, сфотографировала ее обратную сторону, у него созрел план начать активную

подготовку к запуску человека. И когда двигатель был готов, начались полеты манекенов. Но по сути это был уже двигатель, на котором потом полетел Гагарин.

Ракета «ФАУ-2»

Сергей Королев и его коллега Семен Косберг, готовясь к уникальному эксперименту, хорошо знали, что такие же разработки ведутся в США. Правда, НАСА, в отличие от советских конструкторов, не собиралось проводить орбитальный полет, они поставили себе задачу попроще – совершить так называемый скачок в космос. Американский астронавт должен был всего лишь достигнуть орбиты, а потом вернуться назад на Землю.

К концу 50-х годов в СССР полностью отпала нужда в немецких специалистах. Впрочем, уже в конце 1950 года некоторым ветеранам полигона Пенемюнде позволили вернуться обратно в Германию. Правда, Гельмут Греттруп с другими шестью специалистами задержался в Советском Союзе вплоть до 1957 года. Символично, что именно 4 октября 1957 года СССР

объявил о запуске первого искусственного спутника Земли, опередив в этом смысле амбициозных американцев. Это означало, что «трофейные» ученые выполнили свою работу. Спутник представлял собой довольно простой конструкции полуметровый металлический шар с радиопередатчиком внутри и антеннами снаружи. Но и этого было достаточно, чтобы Вернер фон Браун вышел из себя. По свидетельству некоторых его коллег, в порыве бешенства он заявил: «Дайте мне 90 дней, и я тоже запущу спутник!» Это был бессильный гнев. К концу 50-х годов Соединенные Штаты отстали от Советского Союза в космической гонке.

* * *

Всем известно, что первым космонавтом в истории был Юрий Гагарин. Однако он не был первым живым существом, побывавшим в космосе. Путь человеку на орбиту проложили животные. В конце 50-х годов доктора института авиационной медицины СССР активно проводили опыты над собаками, пытаясь выяснить, как живое существо, близкое по своей физиологии к человеку, сможет перенести полет в стратосферу или даже в открытый космос. Инициатором эксперимента был руководитель конструкторского бюро Сергей Королев. Он понимал – если удастся совершить успешный запуск в космос собаки, то не за горами будут и полеты во внеземное пространство человека.

4 октября 1957 года мир облетела сенсационная новость: Советский Союз запустил на орбиту первый в истории искусственный спутник Земли. На его борту находился бездушный радиопередатчик. Но уже через месяц второй искусственный спутник Земли отправился на орбиту с пассажиром.

Собака лайка, отправившаяся в космическое пространство на втором советском искусственном спутнике Земли

Опять же многим известны легендарные Белка и Стрелка, потому что они вернулись с орбиты живыми и невредимыми. Однако первым космонавтом в истории была собака по кличке Лайка. Она отправилась на орбиту 3 ноября 1957 года и, увы, с билетом в один конец –

тогда еще не была готова система обратного спуска с орбиты. Лайка погибла в течение нескольких часов полета, но своим подвигом спасла жизни будущих космонавтов. Причина смерти собаки крылась в недостатках терморегулирующей системы – в кабине случился сильный перегрев, температура поднялась на отметку более 40 градусов, и это в сочетании с сильным стрессом и перегрузками сыграло роковую роль. А изначально капсула, изготовленная для Лайки, готовилась к недельному полету – именно на неделю рассчитывался запас воздуха, пищи и воды. Однако возможности вернуться у собаки на Землю не было.

По словам сотрудника Опарина, у Лайки была в этом полете другая задача – определить возможность длительного пребывания живого существа в условиях невесомости. У собаки не было скафандра, но была система подачи воды. Присутствовали также специальная поилка и система подачи пищи. А вот система кондиционирования кабины была несовершенной.

Просчеты в системе вентиляции объяснялись тем, что капсула «Спутник-2» создавалась в страшной спешке – советское руководство требовало от конструкторов удивить мир к 40-й годовщине Октябрьской революции. Тем не менее целую неделю ТАСС сообщало миру, что полет проходит по плану и космонавт Лайка чувствует себя хорошо. Это была заведомая неправда – на самом деле собака прожила на орбите не более пяти часов.

Еще один сотрудник – Савельева – вспоминает, что большей частью космический корабль «Спутник-2» длительное время находился под воздействием солнечных лучей и собачка поэтому погибла от перегрева довольно быстро. Терморегулятор не смог справиться с этой температурой.

ТАСС сообщило об этом полете вскользь и как бы между делом, уделив основное внимание в сообщении научному оборудованию, установленному на корабле. Однако на Западе новость произвела фурор, особенно среди любителей животных, которые живо заинтересовались о том, как себя чувствует Лайка на орбите. Советские ученые не могли признаться, что у Лайки не было шансов вернуться на землю, и некоторое время спустя ТАСС сообщило, что собаку было решено усыпить. Много лет спустя в Москве, неподалеку от метро «Петровско-Разумовская», поставили бронзовый памятник первой в истории собаке-космонавту по кличке Лайка.

А в 1957 году Лайка стала звездой мирового масштаба – портрет двухгодовалой дворняжки напечатали все мировые газеты. Ее симпатичная мордашка смотрела с почтовых марок десятка стран мира. Но больше всего Лайку запомнили советские курильщики – с 1958 года сигареты «Лайка» стали популярной народной маркой на несколько десятков лет.

Страшную тайну полета Лайки мир узнал лишь несколько лет назад, однако газета «The New York Times» уже тогда предполагала, что Лайка – это «самая лохматая, самая одинокая и самая несчастная в мире собака». А постфактум один из ведущих советских ученых в области космонавтики Олег Газенко заявил, что «работа с животными – источник страданий для всех нас. Мы относимся к ним как к младенцам, которые не могут говорить. Чем больше времени проходит, тем больше я сожалею об этом. Мы не должны были этого делать. Мы не так много узнали в ходе этой миссии, чтобы оправдать этим смерть собаки».

Второй полет собак в космос стал более гуманным, с точки зрения защитников животных. На борту второго космического корабля «Восток» 19 августа 1960 года находились две дворняжки – Белка и Стрелка. Их космическое путешествие продлилось сутки, и за это время собаки успели совершить 17 полных оборотов вокруг Земли, после чего благополучно приземлились. И это был триумф советской науки – о полете собак трубили все мировые газеты, а имена Белки и Стрелки выучили едва ли не все люди на планете. Изображение собак можно было видеть на упаковках халвы в магазинах и на почтовых марках.

Вот только имена перед стартом у них были совсем другие. Исследователи утверждают, что изначально их звали Капля и Вильна. А новые клички собакам придумал маршал Неделин, которому прежние прозвища то ли казались «буржуйскими», то ли просто неблагозвучными.

Так или иначе, под именами Белка и Стрелка собаки объехали полмира, прожив интересную и сытую жизнь. Белка потомства не принесла, а вот Стрелка порадовала своих ученых хозяев. В том же 1960 году она родила шестерых абсолютно здоровых щенят, и одного из них Никита Хрущев подарил дочке президента США Кэролин Кеннеди. В качестве ответной любезности американцы спустя десять лет передадут в Москву побывавший на Луне флаг СССР и клочок лунного грунта. Но в начале 60-х годов подарок недвусмысленно намекал – США проигрывает космическую гонку.

Однако дочку Кеннеди это не волновало – Пушинка быстро освоилась в Белом доме, научилась кататься с горки и проводила с детьми президента все дни напролет. А когда за дочкой Стрелки стал ухаживать местный вельш-терьер Чарли и у Пушинки появились щенки, радости детей вообще не было предела. Сам Джон Кеннеди прозвал щенков Пуппиками, соединив начало английского PUPPY и окончание русского слова «Спутник». Всех Пуппиков раздали друзьям президентской семьи, поэтому можно с полной уверенностью говорить, что потомки Стрелки живут в США и поныне.

Белка и Стрелка после полета на космическом корабле-спутнике

Но и это не вся правда о животных-космонавтах. Недавно из рассекреченных документов стали известны и другие шокирующие подробности – оказывается, что до Гагарина в космосе побывали не только Лайка, Белка и Стрелка. В экспериментах 50-х годов участвовало более сотни лохматых космонавтов, каждый из которых внес свою лепту в космические исследования. Они проложили дорогу в космос, по которой уверенно шагает человечество, благополучно забыв имена первых беспородных героев.

День 22 июля 1951 года вполне можно занести в историю космонавтики. В этот день в 4 часа утра на ракетном полигоне Капустин Яр все было готово к старту ракеты с собаками на борту. Накануне собак накормили тушенкой, хлебом и молоком, а потом одели в специальные костюмы, удерживающие датчики. Собак в головной отсек ракеты загружал лично руководитель медицинской программы Ядзовский в присутствии генерального конструктора Сергея Королева. Многие из собравшихся откровенно не верили в успех – до этого момента ни одно живое существо в мире не поднималось за пределы притяжения Земли. Удаляющуюся ракету

было видно на многие километры. Полет собак длился 14 минут, после этого герметичная кабина с высоты 100 км спустилась на парашюте. Команда ученых во главе с Королевым устремилась на машинах к месту приземления контейнера с лохматыми космонавтами. Сергей Павлович заглянул в иллюминатор и радостно улыбнулся – собаки были живы, и это была победа! По воспоминаниям очевидцев, Сергей Павлович Королев схватил собачку и начал бегать с ней вокруг капсулы. Это так не соответствовало образу главного конструктора, но эмоции возобладали – он понял, что полеты людей, в том числе и длительные, возможны.

Генеральный конструктор потом лично отвез собак в вольер. А через неделю участвовавший в эксперименте пес Дезик вместе с напарницей собакой Лисой отправился в следующий полет. Геофизическая ракета «Р-1» благополучно достигла стратосферы, но разбилась при посадке, поскольку парашют не раскрылся. Собаки погибли, и это были первые жертвы советской космонавтики. Именно тогда Королев распорядился срочно разработать систему аварийного катапультирования космонавтов. Всего же в испытаниях 1951 года на стокилометровой высоте побывало шесть пар собак. Два запуска закончились трагически – кроме Дезика и Лисы погибли еще Мишка и Чижик. Они задохнулись из-за неисправности вентиляционного клапана.

Не обходилось и без курьезов. Во время шестого пуска прямо на стартовой площадке из запертой клетки таинственным образом исчез космонавт по кличке Рожок, причем уже экипированный в полетный костюм с датчиками. Разбираться в том, как удалось Рожку сбежать, времени уже не было. Надо было искать выход, поскольку срыв эксперимента грозил исполнителям военным трибуналом. И выход нашел один из солдат, который возле столовой отловил подходящую по размерам дворнягу, поманив ее приличным куском колбасы. Пса помыли, подстригли и прикрепили к нему датчики. На счастье сотрудников полигона, новоиспеченный кандидат в космонавты вел себя совершенно спокойно. Генеральный конструктор Королев заметил подмену, только когда спускаемый аппарат благополучно приземлился.

По словам Величко, было удивительно, что собака перенесла полет на ура. Как потом оказалось, это был вообще щенок. Ее называли ЗИБ – сокращенно «замена исчезнувшего бобика». Для отчета Королев поименовал собачку как «запасной испытатель без подготовки». И вообще в отчете для руководства написали, что все задумывалось так изначально – то есть намеренно отправили собаку в космос без подготовки.

Тем временем оборонный институт «Звезда» создал новое оборудование для аварийного катапультирования космонавтов. Вместо герметичной кабины разработчики предложили использовать индивидуальные скафандры с системой жизнеобеспечения. Этот скафандр состоял из гермошлема и собственно скафандра, в который помещалась собака. Для каждого пса скафандр изготавливался индивидуальный, его примерка была обязательной частью подготовки к полету. Внутри скафандра собаки проводили по несколько часов в день, привыкая таким образом к космической одежде. Параллельно проводились испытания первых систем жизнеобеспечения. Они представляли собой манометр, который контролировал давление, и вентиль для включения кислорода. Специальный механизм в определенное время размыкал клапан, связывавший скафандр с окружающей атмосферой. Кроме того, собаки теперь размещались на специальных катапультирующихся тележках. Никакой электроники тогда не было, и все операции, включая катапультирование, выполнялись механическими приборами. Реле времени запускали перед стартом на Земле, и в нужный момент оно командовало отстрелом катапульты. Другое реле отвечало за разгерметизацию скафандра, что давало возможность собаке-космонавту дышать, пока ее не найдут.

24 июня 1954 года систему аварийного спасения испытали Лиса и Рыжик – собак называли так в честь погибших в прошлых экспериментах сородичей. Лиса спустилась на Землю на парашюте с высоты 80 км, а капсула с Рыжиком, разогнавшись вместе с головной частью ракеты до скорости звука, отстрелилась на высоте 45 км и также благополучно приземлилась. Посте-

пенно система катапультирования кресел была отработана до совершенства и позже была применена на первых кораблях серии «Восток». По словам Опарина, первые шесть космонавтов, которые летали на «Востоках», приземлялись именно таким способом – мягко сажать корабль на Землю тогда не умели.

Юрий Гагарин был в курсе полетов животных в космос – по возвращении на Землю он сказал: «До сих пор не пойму, кто я: «первый человек» или «последняя собака». Более того, он прекрасно знал, что первые испытания ракеты «Восток», прошедшие за три недели до запуска Белки и Стрелки, закончились трагедией – на месте первого космонавта находились собаки Лисичка и Чайка. Королев любил всех животных, участвовавших в полетах, но к Лисичке испытывал особую симпатию. Как вспоминает Величко, прямо перед стартом, когда собаки были уже в полетных костюмах с закрепленными датчиками, генеральный конструктор взял Лисичку на руки и прошептал ей на ухо: «Я хочу, чтобы ты вернулась». Но, к сожалению, при запуске, уже буквально на двадцатой секунде, разрушилась часть первой ступени, произошел взрыв, и Лисичка погибла. Для Сергея Павловича это был большой удар – ведь все произошло на глазах собравшихся, на высоте всего в несколько десятков метров. После этой трагедии Королев лично распорядился создать систему, которая спасала бы жизни космонавтов на малой высоте. И у кабины с экипажем появились собственные твердотопливные двигатели, которые должны были увести спускаемый аппарат на безопасное расстояние от ракеты, даже если ее разрушение произойдет прямо на стартовом столе.

Академик Олег Газенко демонстрирует четвероногих космонавтов

Перед полетом в космос Гагарина произошла еще одна драматичная история. У ракеты «Восток 1к № 6», стартовавшей 22 декабря 1960 года, при выходе на орбиту отказала третья ступень, и на высоте 214 километров ракета взорвалась. Головная часть упала в глухой тайге, и все думали, что космонавты погибли. Спускаемый аппарат нашли только на третьей сутки. Выяснилось, что жестокий мороз убил всех его обитателей: мышей, тритонов и даже насекомых. Но выжили собаки – Жулька и Жемчужина. Бытовало мнение, что выжили они только потому, что верили – хозяева обязательно их спасут. Несмотря на катастрофу, запуск 22 декабря 1960 года был признан успешным, поскольку впервые на практике было проверено, как работает система аварийного спасения в нештатной ситуации. Для собаки Жульки это был уже третий космический полет – годом раньше она дважды поднималась за пределы земного притяжения. И она вместе с другим членом экипажа по кличке Жемчужина, что называется, на своей шкуре испытала систему аварийного спасения. После испытаний собаку взял к себе домой генерал-лейтенант Олег Георгиевич Газенко, считающийся основоположником космической медицины. Под его руководством проводились все биологические эксперименты, а также проходила подготовка к запуску в космос первого человека. Его личным решением Жулька была отстранена от дальнейших полетов, и после перегрузок, невесомости и морозов собаку-космонавта ожидало 14 лет сытой жизни в генеральском хозяйском доме.

Интерес к животным у исследователей космоса возник примерно за десять лет до первого полета Лайки в космос. Правда, тогда речь шла об обезьянах. Конструкторы одного из самых секретных в стране институтов авиационной медицины Малкин и Газенко присутствовали на выступлении французского дрессировщика Капеллини в московском цирке на Цветном бульваре, который представлял номера с участием мартышек. А после представления они пошли за кулисы и прямо спросили у дрессировщика – как вы думаете, можно ли отправить обезьяну в космос? В ответ Капеллини рассказал историю, когда одна из его артисток умерла от разрыва сердца, услышав на гастролях пароходный гудок. Этим он намекал на то, что фантастические трюки его подопечных – результат очень долгой и тяжелой дрессировки. После этой беседы от обезьян было решено отказаться и сосредоточиться на собаках. Тем более что собака благодаря во многом Ивану Павлову стала традиционным объектом научных физиологических исследований в СССР. И это не павловская прихоть, а объективная реальность – по своей структуре и физиологии собаки очень близки к человеку.

Все собаки, побывавшие в космосе, до этого были обычными московскими дворнягами. Их отлавливали в обычных московских подворотнях, но потом животным надлежало пройти специальный кастинг – морды дворняг должны были быть симпатичными, вес не должен был превышать 6 кг, а рост в холке не должен был быть выше 35 см. Особое внимание уделялось расцветке – во время связи с Землей собаки должны были выглядеть на телеэкране контрастно. Поэтому отлавливали псов со светлой шерстью.

По причине полнейшей секретности советского космического проекта отловом собак занимались сотрудники спецслужб. И очевидцы рассказывают, что лучше всех с заданием справлялась хрупкая женщина, заведующая виварием Института военной авиационной медицины Шура Королева – однофамилица генерального конструктора. С собаками у нее завязалась взаимная любовь – когда после работы Шура шла домой, новоиспеченные космонавты увязывались за ней. Шура жила дома вместе с двумя детьми, быт ее не отличался особым комфортом, и с собаками в буквальном смысле делили последнюю краюху хлеба и даже спали с ними на одних полотах. Поутру довольные дворняги уходили с новой хозяйкой «на работу». Учитывая то, что все давали подписку о неразглашении любых деталей сверхсекретных опытов, это было вопиющим нарушением режима.

Во время тренировок собакам создавали перегрузки на центрифуге и вибростенде, учили не бояться громких звуков и подолгу находиться в замкнутом пространстве. Лохматые космонавты постепенно привыкли носить одежду, спокойно относиться к датчикам и даже

питаться космической едой. Для чистоты экспериментов собак было решено запускать парами, и тут врачам пришлось освоить собачью психологию. Они внимательно наблюдали за поведением подопечных, пытались понять, кто кому симпатизирует. В пары ставили только лучших друзей.

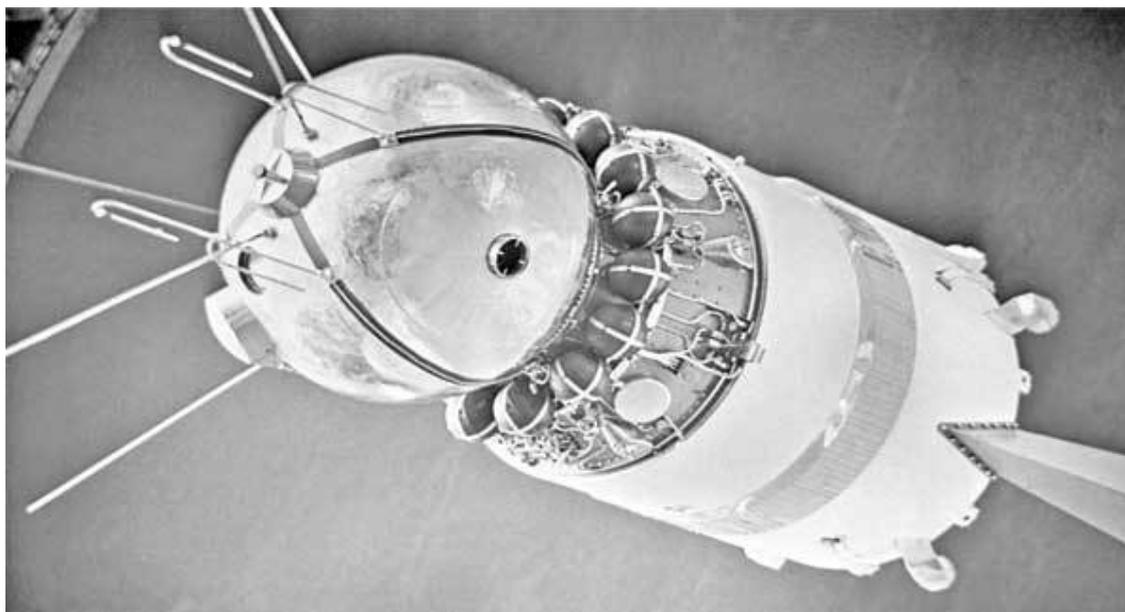
Как вспоминают очевидцы, было совершенно непонятно, как животные перенесут экстремальные факторы космического полета. А это и шум ракеты, и вибрации при запуске, и перегрузки, и взлет, и кратковременная невесомость, и, наконец, катапультирование, приземление на парашюте и удар о землю. Немудрено, что скептиков среди и биологов, и инженеров было предостаточно. Что же касается Лайки, то она является для нас символом той эпохи, предшествующей эпохе развития космической биологии и предшествующей первому полету человека в космос. На ракетах в космос запускались также крысы, морские свинки, мыши и даже кролики. Но все-таки основным акцентом исследований были собаки.

В целом же в период 1951–1960 годов было совершено 29 пусков ракет с собаками-испытателями. Точное их количество подсчитать трудно, потому что после каждого старта им меняли клички. А некоторые летали и по три, и по пять раз. Число погибших известно – 13, и каждую неудачу ученые воспринимали как личную трагедию. К собакам-испытателям относились не как к животным, а как к героям и первопроходцам космоса.

Глава вторая. Полет Гагарина

12 апреля 1961 года в 8 утра на космодроме Байконур 287-тонная ракета-носитель «Восток» была установлена в громадной шахте на стартовой площадке. Инженеры проделали последние приготовления к старту космического корабля, проверили все системы и двигатель, после чего специальный лифт доставил тогда еще мало кому известного Юрия Гагарина на 39-метровую высоту к космическому кораблю. И в те минуты только технические службы Байконура знали о том, что полет может не состояться. Или, хуже того, что Гагарин уйдет в космос, чтобы никогда оттуда не вернуться... Из рассекреченных документов стало известно, что за час до запуска космического корабля «Восток» техники обнаружили неисправность, и ее удалось устранить буквально перед самым стартом. После закрытия входного люка корабля на пульте оператора не сработал индикатор, который должен был подтвердить герметичность корабля. Неисправность устранил слесарь-монтажник за несколько минут до старта. Можно было, конечно, отложить старт, но...

Ведь пришлось бы откладывать старт, о котором уже было доложено Хрущеву, фактическому руководителю Советского Союза. И, естественно, никто не мог взять на себя такую ответственность в том, чтобы перенести старт. Летчики-космонавты также подтверждают, что со стартом торопились, нужно было опередить американцев. Они ничего не знали про это, поэтому, когда все случилось, получился большой удар по их престижу.

Макет космического корабля «Восток» на ВДНХ

Полет готовился в строжайшей тайне, о старте космического корабля знали только те, кто готовил орбитальный полет, и руководство страны. В эти минуты особенно нервничал Сергей Павлович Королев – главный конструктор «Востока». Ему, как никому другому, были понятны последствия ошибки или дефекта конструкции корабля. Разгерметизация грозила космонавту мучительной смертью в случае аварийной посадки. Малейшая неточность в расчетах и сбой систем управления представлялись еще более страшными – «Восток» мог выйти за расчетную траекторию и навсегда стать искусственным спутником Земли. И тогда первый космонавт был обречен на медленную смерть. Стыковки и спасательные модули были тогда неизвестны.

До другой неисправности – проблем с костюмом самого Гагарина – дело так и не дошло. Как выяснилось всего за 4 дня до старта корабля «Восток», даже в случае успешного полета само приземление первого в мире космонавта могло окончиться его гибелью. Ведь последние испытания скафандра Гагарина, которые проводились 8 апреля 1961 года в Крыму, на морском испытательном полигоне Чауза, едва не закончились гибелью испытателя – парашютиста Петра Долгова. При посадке на воду парашют не отделился от скафандра и с огромной скоростью понес Долгова по волнам, едва не переломав испытателю кости. И, если бы не подоспевший торпедный катер, Долгов мог утонуть или погибнуть от ударов о гребни волн. А значит для Гагарина, облаченного в тот же скафандр, с тем же парашютом и теми же несовершенными средствами его отстыковки при приводнении, которое могло произойти в любом водоеме Советского Союза и где помощи, скорее всего, было ждать неоткуда, приземление грозило гибелью. Но намеченный на 12 апреля полет должен был состояться при любых условиях, а дорабатывать костюм космонавта было уже некогда.

Сын бывшего первого секретаря ЦК КПСС Сергей Хрущев вспоминает, что Никита Сергеевич нервно ходил вокруг телефона: «Позвонил Королев: «Запустили». Он говорит: «А как?» А Королев говорит: «Что как? На орбите. Ждите. Через полтора часа позвоню».

Королев знал, чем рискует. В эти минуты ему приходилось решать уравнение со многими неизвестными.

Тем не менее 12 апреля 1961 года ровно в 9 часов 7 минут утра на полигоне Байконур прозвучала команда «Пуск!». И последние перед стартом «Востока» переговоры между космонавтом Юрием Гагариным (позывной Кедр) и конструктором Сергеем Королевым (позывной Заря-1) зафиксировали следующие фразы:

«Настроение бодрое, к старту готов, прием...»

«Отлично. Кедр, я Заря-1. Идут надувы, отошла кабель-мачта, все нормально...»

С космонавтом Гагариным поддерживалась двусторонняя радиосвязь. За состоянием пилота с Земли следили при помощи специальной системы «Трал Т», которую вскоре назовут первым космическим телевидением. В кабине Гагарина была установлена специальная телевизионная камера, которая передавала картинку прямо в стартовый комплекс. При этом полет проходил в полностью автоматическом режиме – кораблем Гагарин не управлял. Это означало, что космонавт не трогал рычаги и был наблюдателем, и только! Однако в случае отказа автоматики он должен был взять управление на себя. Но, для того чтобы перейти в этот режим, космонавт должен был преодолеть так называемый «логический замок», то есть набрать специальный код на пульте. Секретный шифр (число 125) заранее Гагарин не знал, он содержался в запечатанном конверте, приклеенном к внутренней обшивке корабля. Это было сделано потому, что непонятно было, как поведет себя в полете первый космонавт, правильные ли команды он будет подавать кораблю. Таким образом, секретный конверт был своеобразной «страховкой от безумия».

И действительно, во время старта и выхода на орбиту Юрий Гагарин перенес ужасную тряску, шум и сильные перегрузки. А вот в состоянии невесомости, напротив, он почувствовал себя сносно. Правда, у космонавта уплыл карандаш, и ему не удалось сделать записи в бортовом журнале. Но самая главная проблема поджидала дальше: вовремя не отключился двигатель и корабль вышел на более высокую орбиту, чем рассчитывали специалисты (327 км).

Ошибка в расчетах означала, что Гагарин сможет вернуться на Землю не раньше чем через пять суток. Но на пять суток в корабле просто не хватило бы воздуха, и первый космонавт Земли неминуемо бы погиб. К счастью, все закончилось благополучно. Невероятным образом корабль удалось вернуть на заданную орбиту, и через 108 минут, совершив единственный виток вокруг Земли, спускаемый аппарат корабля «Восток» вошел в плотные слои атмосферы. Гагарин катапультировался на высоте 1500 метров. Напряжение в те минуты на Центральном командном пункте было невероятное. Возможна была любая неожиданность.

Связи с Гагариным в тот момент не было. Непонятно было, жив он или нет и куда упадет спускаемая капсула... В Центре управления полетами была страшная напряженность, но без элементов паники. Все подбадривали друг друга и говорили, что все будет хорошо – ведь только потом узнали, что вероятность возвращения его на Землю была 60 %.

И только через полчаса Гагарин связался с Центром управления полетами и сообщил, что приземлился на колхозное поле в Саратовской области, неподалеку от Энгельса. Отклонение от расчетного места посадки составило около 600 км. Обожженную капсулу спускаемого аппарата и самого космонавта обнаружили колхозный механик Анатолий Мишанин, проезжавший мимо на мотоцикле, и жительница близлежащего села Анна Тахтарова, сажавшая в поле картошку.

Кстати, знаменитую надпись «СССР» на гагаринском гермошлеме, которая позже станет визитной карточкой советского космоса, буквально за час до выезда на стартовую площадку приказал сделать начальник Центра подготовки полета Евгений Карпов. Надпись была сделана простой кисточкой и краской прямо у служебного автобуса. Дело в том, что в мае 1960 года над Свердловской областью советские ПВО сбили американский самолет-разведчик. Пилот Гарри Пауэрс выпрыгнул с парашютом и приземлился на советскую землю как ни в чем не бывало. История Пауэрса получила большую огласку, и в результате каждый советский мальчишка мечтал поймать американского летчика-шпиона. Как в воду смотрел Карпов – первый космонавт приземлился не в заданном районе, и надпись на шлеме пригодились, – саратовские колхозники не спутали первого космонавта с американским шпионом.

А в это время в Москве, в здании ТАСС, уже готовились к экстренному выпуску новостей. Были готовы и согласованы три варианта текста-молнии: первый – торжественный, объявляющий о победе отечественной космонавтики, второй – с просьбой к дружественным странам помочь в поиске космонавта в случае его приземления за пределами СССР и, наконец, третий вариант – о трагической гибели Гагарина. Тексты второго и третьего вариантов не слышал никто. Но они и по сей день хранятся в архивах как доказательство того, что СССР не собирался скрывать правду, сколь бы горькой она ни была.

Исхода запуска первого человека в космос с нетерпением ждал еще один человек. Никита Сергеевич Хрущев находился в государственной резиденции в Пицунде и готовился к докладу на приближавшемся очередном съезде партии. Но работа у первого секретаря не шла. Хрущев нервничал и то и дело поглядывал на телефон. Сергей Хрущев вспоминает, что когда наконец Королев отзвонился и сказал: «Спускается», то Никита Сергеевич закричал ему по телефону: «Скажите одно, он живой?» А тот отвечает: «Откуда знаем – живой или нет? Спускается. Парашют открылся. Отстрелился».

Н. С. Хрущев говорит по телефону с первым космонавтом планеты Юрием Гагариным

На следующий день, 13 апреля, на самолете первого космонавта привезли в аэропорт Внуково, где его встречали чуть ли не все руководство страны, журналисты и кинооператоры. Первоначально грандиозная встреча в Москве не планировалась, но в последний момент решение об этом принял Никита Хрущев. Он был готов носить на руках первого покорителя космоса, потому что он опередил американцев. По словам его сына, Никита Сергеевич позвонил министру обороны Малиновскому и сказал, что Гагарина нужно повесить в воинском звании. Малиновский ответил, что старший лейтенант Гагарин может рассчитывать на капитана, на что Хрущев заметил: «Да не будь ты таким жадным!» И тогда министр обороны сказал: «Ну ладно – майора».

В этот же день Гагарин надел майорские погоны. Бодрой походкой он вышел из самолета и по красной дорожке пошел на доклад первому лицу государства. В историю вошел эпизод с развязавшимся шнурком, который комментаторы обычно связывают с волнительностью ситуации и подчеркивают, что Гагарин не обращал на это никакого внимания. Однако, по словам все того же Сергея Хрущева, это был не шнурок. Дело в том, что в 60-е годы не было носков с резинками, и офицерам по уставу полагалась подвязка – собственно, от этого произошел известный орден Подвязки. Подвязка застегивалась на железку, и вот вся эта конструкция развязалась и сильно хлопала по ноге Гагарина.

Дальше была поездка в открытой «Чайке» по Москве. Гагарин стоял, утопая в цветах, которые люди кидали к его машине с тротуаров, из окон и даже с крыш домов, и всех приветствовал своей знаменитой улыбкой. На заднем сиденье еле угадывался первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. По словам его сына, первый секретарь не хотел ехать в гагаринской машине и дословно сказал следующее: «Вы с Валей поедете в машине, а я поеду следом».

Однако Гагарин втянул Хрущева за руку. Сын подозревает, что отцу на самом деле тоже хотелось ехать в головной машине, поэтому он, что называется, немножко играл, а Гагарин ему просто подыграл.

Любопытный момент – отчество Гагарина было не известно советским руководителям. Виктор Горбатко вспоминает, что его неожиданно вызвал курировавший космонавтику со стороны Совета министров СССР Дмитрий Устинов и задал вопрос: «Как правильно – Юрий Алексеевич или Юрий Александрович?» Этим вопросом он поставил в тупик и самого Горбатко, поскольку в отряде космонавтов было не принято обращаться друг к другу по отчеству, а только Юра, Герман, Паша и т. д. Пришлось звонить в Центр подготовки космонавтов, поднимать личное дело и уточнять отчество. Это было нужно для того, чтобы знаменитый диктор Левитан объявил о состоявшемся полете всему миру.

Ю. Гагарин направляется для доклада первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о завершении полета. Внуковский аэродром. 14 апреля 1961 года

На известие о первом полете человека, бывшего гражданином СССР, в космос, сограждане отреагировали восторженно. Люди самых разных возрастов, как дети, взбирались на парапеты, играли на музыкальных инструментах прямо на Красной площади. Это ликование было сравнимо разве что с тем, которое страна испытала с известием о победе в Великой Отечественной войне. Полет Гагарина без всякого преувеличения стал событием мирового масштаба. Случилось поистине невероятное – человек впервые сумел преодолеть земное притяжение и побывать в космосе.

Однако всемирно известные телевизионные кадры полета Юрия Гагарина были сняты не в день запуска, а уже по возвращении, для истории. Гагарин точь-в-точь повторил все, что делал при реальном запуске. Это потом появятся прямые телетрансляции из космического корабля, системы телеметрии будут в режиме онлайн отслеживать каждый вздох космонавта и передавать данные на Землю. А тогда в крошечной капсуле космического корабля «Восток» у Юрия Гагарина был лишь небольшой магнитофон. На пленку он наговаривал свой отчет о полете. Никакой автоматики: нажал запись – пошла пленка, стоп – выключил. Именно с этой магнитофонной пленки мир услышал его знаменитое «Поехали!». Еще один любопытный нюанс – во время недолгого по современным меркам космического полета (всего 108 минут) Гагарин почему-то не записал момент выхода на космическую орбиту. Спустя несколько минут он отмотал пленку назад и затер это место... Слова, которые сказал человек, когда впервые увидел Землю со стороны, не вошли в историю! Мы никогда не узнаем правду, но, возможно, все дело в том, что слова вырвались ненормативные... Кроме того, именно тогда возникли проблемы – корабль не остановился на расчетной высоте и начал крутиться вокруг своей оси как волчок. Сам Гагарин рассказывал, что Земля проходила у него во «взоре» сверху вниз и справа налево.

Капсула «Восток» едва не унесла первого космонавта на слишком высокую орбиту, с которой он никогда не смог бы вернуться. Гагарин рассказывал: «Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Получился «кордебалет»: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Все кружилось. То вижу Африку (именно над Африкой произошло это), то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от солнца, чтобы свет не попадал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрыл шторки. Мне было интересно самому узнать, что происходит. Я ждал разделения. Но разделения не было. Я знал, что по расчету это должно произойти через 10–12 секунд после выключения ТДУ. При включении ТДУ все огни на пульте контроля ракетных систем погасли. По моим ощущениям, времени прошло гораздо больше, чем следовало, но разделения все не было...»

Кстати, помимо своего знаменитого «поехали» Гагарин, отправляясь в полет, произнес еще одну фразу, не ставшую достоянием общественности по причине секретности. А звучала она так: «Косберг включился». Гагарин сказал эти слова в тот самый момент, когда заработала третья ступень ракеты, передавая привет главному конструктору воронежского конструкторского бюро химавтоматики Семену Косбергу. Его имя не так хорошо известно по сравнению с Сергеем Королевым, но без него Советский Союз не смог бы стать космической державой. Ведь благодаря двигателю, созданному Косбергом осенью 1958 года, впервые в мире ракета смогла достичь второй космической скорости 11 километров в секунду, что было достаточно для вывода в космос уже не маленьких спутников, а серьезных грузов. Именно благодаря появлению этого двигателя у Сергея Королева вскоре появилась возможность отправить в космос человека.

* * *

В семье Гагариных об этом полете узнали, как и вся страна, из радиоприемника, поскольку он не называл даты и времени старта из соображений секретности. Но его жена,

конечно, догадывалась, какую миссию предстоит выполнить ее супругу. Племянница первого космонавта Тамара Филатова вспоминает, что «первой реакцией было чувство страха за дорогого и любимого человека, потому что, как бы там ни было, космос враждебен человеку».

Первый космонавт планеты вырос в селе Клушино, что в Смоленской области. Его друг детства Евгений Дербенков уверяет, что в детстве ни он, ни Юрка паиньками никогда не были, чем изрядно испытывали нервы родителей. Вот что он говорит о мальчишеских проказах первого космонавта:

«Лазили часто к соседям, и тетя Ньюша (соседка Анна Тимофеевна) кричит его матери: «Юрка с Женькой залезли в сад и ветки поломали у яблони!» А яблоки такие же есть у нас в садах, но это неинтересно, в чужом-то слаще! Ну, вот мать берет ремень хороший, штаны спускает и порку такую дает, что потом только ходишь и почесываешь задницу...»

Ю. Гагарин во время учебы в Люберецком ремесленном училище № 10

Осенью 1941 года Юра Гагарин вместе с Женей пошли в первый класс. Но проучиться им удалось всего несколько дней – детство закончилось, когда село оккупировали гитлеровцы. Дербенков вспоминает, что немцы прибыли на мотоциклах с пулеметами в люльках и вызвали у них с Юрой неподдельный мальчишеский интерес: «У них все блестящее, погоны все начищены, намалеваны, фуражки. Магазин они быстренько вскрыли и вынесли нам конфет. А мы и рады – немцы нас угощают!»

Но вскоре радость прошла – немцы выгнали Гагариных из дома, и они вырыли землянку за огородом. В этой землянке семья из шести человек (двое взрослых и четверо детей) жили год и 9 месяцев. Печка топилась по-черному, причем старались, чтобы дым из трубы не было видно. Чтобы не задохнуться, надо было выбегать на улицу и хоть немножко подышать свежим воздухом. Внутри землянки было сыро, по земле всюду прыгали лягушки.

Однажды во время боев над деревней Клушино был сбит советский самолет. Летчик катапультировался, а истребитель упал возле дома Гагариных. С тех пор мальчишки целыми днями пропадали в разбитом самолете и играли в войну. Дербенков подозревает, что с этих игр и возникла у Юры мечта о полетах. Только через два года Клушино освободили советские войска. Но настали тяжелые и голодные времена, в которые каждый выживал как мог. Мальчишки тоже старались помочь своим родителям. Дербенков с Гагариным ходили в оставшиеся после немцев склады с минами и, вооружившись зубилом и молотком, садились на снаряд, который был почти что с мальчишек ростом. Их целью было открутить боеголовку, потом зарядить ее в гильзы, а цветной металл взять с собой в мешок – и бегом в магазин сдавать. На вырученные деньги покупали хлеба, конфет – как говорит друг гагаринского детства, тогда ни у кого денег не было, все были нищие.

В конце 1945 года семья Гагариных переехала в Гжатск (ныне город Гагарин). Там Юрий окончил 6 классов и после этого уехал в подмосковные Люберцы. Он поступил одновременно в ремесленное училище и школу рабочей молодежи. А в 1951 году Гагарин продолжает учебу уже в Саратовском индустриальном техникуме. Его одногруппником по техникуму, а затем и другом стал Виктор Порохня. Они вместе сидели за одной партой, жили в одной комнате общежития и ходили драться с местными. Вместе с ним на 4-м курсе техникума Гагарин поступил в саратовский аэроклуб. 3 июля 1955 года, буквально через 4–5 дней после окончания техникума, Юрий Гагарин совершил свой первый самостоятельный полет на самолете «Як-18». А осенью Гагарина... чуть не выгнали из клуба. Он совершил за одну неделю подряд три грубые ошибки, причем последняя была особенно неприятна: откровенно плохая посадка, боковой удар. Но все же Гагарину дали еще один контрольный полет, и тогда-то у него все получилось.

Гагаринский одногруппник Виктор Порохня вспоминает: «Он пошел в военкомат, ему отсрочили призыв в армию и дали возможность окончить аэроклуб. Этот момент сыграл положительную роль в том смысле, что Юра полностью отдался авиации. Его отправили в 1-е Чкаловское военное училище летчиков. Если бы он эти препятствия не перешагнул, то мы бы сегодня вели речь о праздновании годовщины полета другого человека».

Ю. Гагарин (в центре) – учащийся Саратовского индустриального техникума с друзьями

После окончания авиационного училища Гагарин по собственному выбору был отправлен в Заполярье в одну из авиационных частей Северного флота. Возможно, он так и остался бы там, но тут среди молодых летчиков-истребителей в летных частях в режиме полной секретности начали отбирать кандидатов для первой группы космонавтов. Среди отобранных был и летчик-космонавт Виктор Горбатко, который вспоминает, что существовали некоторые ограничения: вес не больше 70 кг, рост не больше 172 см. Кроме того, нужны были положительные рекомендации командования, политотдела и медицины.

До сих пор остается неясным, как Гагарину удалось попасть в сверхсекретное подразделение. Дело в том, что в СССР каждому хоть раз в жизни приходилось заполнять анкету, где был вопрос – находились ли его родственники на оккупированной территории во время войны. Гагарин с семьей, как известно, прожил в оккупации почти два года. Это была почти черная метка. Но было еще одно компрометирующее обстоятельство, о котором знали только самые близкие: Юрий Гагарин крестил свою племянницу Тamarу Филатову. А церковные обряды в СССР тоже не приветствовались. А в те дни, когда было принято решение об отборе Гагарина в отряд космонавтов, у него родилась дочь Елена. По словам Тamarы Филатовой, девочка много болела, и родители ее тоже pokrестили. Происходило это в Гжатске, и вряд ли об этом кто-то знал в отряде космонавтов, хотя, разумеется, члена партии за это вряд ли бы похвалили.

Лейтенант Ю. Гагарин (слева) в самолете во время службы в Заполярье

Как бы то ни было, 18 декабря 1959 года Гагарина вызвали в Москву, в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь для медицинского обследования. Здесь Гагарин впервые увидел своего будущего сослуживца Виктора Горбатко. По его словам, испытания были очень жесткие и даже жестокие: «Нас вращали на шестикратной перегрузке, на восьми, десяти и двенадцатикратной, то есть увеличивали вес в 12 раз. Вращали на трофейной немецкой центрифуге. При 12-кратных перегрузках иногда казалось, что вот-вот задохнешься. А центрифуга еще иногда потрескивала...»

В начале 1960 года старшего лейтенанта Юрия Гагарина и еще 19 молодых летчиков-истребителей признают годными для космических полетов.

Весной все они приступили к интенсивным тренировкам. Когда стали ясны сроки орбитального космического полета, из 20 летчиков оставили 6 – Гагарина, Титова, Нелюбова, Николаева, Быковского и Поповича. Но Гагарина уже тогда выделяли среди других. Как вспоминает Горбатко, когда в октябре 1960 года космонавты знакомились с Сергеем Павловичем Королевым, именно Гагарина представили первым, а остальных – по алфавиту.

Правда, практически накануне старта ученые обнаружили, что вес Гагарина со скафандром и сиденьем на 13 килограммов больше допустимого максимума. Тогда стали думать о том, чтобы отправлять в полет дублера – Германа Титова, у которого вес был на 3 килограмма меньше, чем у Гагарина. До старта оставалось всего несколько дней, чтобы окончательно решить этот вопрос. И тут в течение одной ночи были разработаны и проведены работы по облегчению космического корабля. Пытаясь снизить вес, инженеры убрали часть внутренней аппаратуры «Востока», что впоследствии приведет к ряду нештатных ситуаций во время полета.

Незадолго до полета Юрий Гагарин на случай гибели пишет своей жене прощальное письмо и, несмотря на строгий запрет, все же рассказывает ей о предстоящем полете. Как вспоминает Тамара Филатова, будущий первый космонавт сначала просто признался в том, что готовится полет человека в космос, а когда жена его напрямую спросила, то Юрий ответил, что, может быть, полетит и он.

* * *

...После приземления первый космонавт планеты получил весьма существенные блага от советского правительства. 18 апреля 1961 года Совет министров СССР принял секретное распоряжение о подарках Ю. А. Гагарину. Вот что содержалось в этом распоряжении:

«1) Признать необходимым подарить от имени Правительства СССР первому летчику-космонавту СССР майору Гагарину Ю. А. и членам его семьи автомашину «Волга», жилой дом, мебель и экипировку согласно приложению.

2) Обязать Министерство обороны СССР (т. Малиновского) выделить майору Гагарину Ю. А. четырехкомнатную квартиру по месту службы.

Из приложения к распоряжению (секретно):

Меблировка спальни, столовой, детской, кабинета, кухни. Телевизор «Рубин». Радиола «Люкс». Стиральная машина. Холодильник. Пылесос. Ковровые дорожки. Пианино. Постельное белье – 6 комплектов. Одеяла – 2 шт.

Экипировка для Юрия Алексеевича Гагарина:

Пальто демисезонное. Пальто легкое летнее. Плащ. Костюмы – 2 (светлый и темный). Обувь – 2 пары (черные и светлые). Рубашки белые – 6 штук. Шляпы – 2. Носки – 6 пар. Белье нижнее шелковое – 6 пар. Трусы, майки – 6 пар. Платки носовые – 12 штук. Галстуки – 6 шт. Перчатки – 1 пара. Электробритва – 1. Два комплекта военного обмундирования (парадное и повседневное). Чемоданы – 2».

Первый в мире космонавт Ю. Гагарин с женой Валентиной на отдыхе

Подарки в виде одежды и мебели полагались и родственникам Гагарина, жене и родителям. Сегодня это кажется не очень понятным, но тогда в ЦК КПСС впервые столкнулись с неожиданной проблемой: простой гражданин СССР стал в одночасье всемирной знаменитостью и вопрос, во что он будет одет, приходилось решать на самом верху.

А популярности Гагарина мог бы позавидовать самый публичный человек планеты. На космонавта свалилось невероятное количество встреч, визитов, дипломатических приемов и командировок. Перед глазами мелькали лица президентов, премьеров и простых людей разных рас и национальностей. Жизнь полетела с космической скоростью. К живой легенде хотели прикоснуться все – Че Гевара и Фидель Кастро, Джина Лоллобриджида и королева Елизавета. А ведь до этого простой деревенский парень Юра Гагарин читал о королях разве что в сказках. А после приема в Букингемском дворце, прорывая полицейское оцепление, к Гагарину с карандашами и блокнотами в руках, чтобы взять автограф, подбежала целая толпа британских школьников.

Джина Лоллобриджида (слева) и Мариза Мерлини (вторая справа) во время приема в Министерстве культуры СССР с космонавтом Ю. Гагариным

Впрочем, Гагарин всегда тяготился ролью свадебного генерала. Нескончаемые мероприятия отвлекали его от главного – от возможности летать. Летчик-испытатель, генерал-лейтенант авиации Степан Микоян вспоминает: «На авиационном салоне в Париже стоял самолет «Ту-104», внутри которого было что-то вроде советского штаба. Мы сидели с Гагариным и пили коньяк, когда к самолету подошла толпа и стала просить Гагарина выйти. Он вышел, поговорил с людьми, а когда вернулся, то прямо сказал: «Вы знаете, как мне надоело вот так выходить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.